

ПЕТР ПЕРВЫЙ И ИМПЕРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ

DOI 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-6-11

УДК 94(47).05

Евгений Викторович Анисимов

Санкт-Петербургский институт истории РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9093-586X
E-mail: vbrevis@yandex.ru

Петр Великий и его империя

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена обстоятельствам провозглашения России империей. Прослеживается история смены идеологием в ходе осуществления петровских реформ, которые не только коснулись внутреннего состояния государства, но и отразились на статусе России и ее внешней политике, которая была эманацией режима усилившегося при Петре самодержавия. Смена идеологием коснулась репрезентации верховной власти. Петр отказался от атрибутов власти своих предков — наследников Византии. Византийский путь казался Петру тупиковым. Он считал, что не следует уподобляться Византии, которая якобы ослабила вооруженные силы, вела миролюбивую политику и тем самым позволила туркам поработить себя. Образцом для Петра, в противовес Византии, была Римская империя периода ее расцвета — идейный первоисточник крупнейших европейских держав того времени. Петр хотел легитимизации своей власти в новом политическом контексте, надеялся добиться в Европе для себя и России высокой государственной репутации, положительно окрашенной римскими тонами. Достигнутая в ходе войны мощь России была самым существенным аргументом для признания России империей. Но только с заключением Ништадтского мира, подтвердившим реальный статус России, такое признание стало возможным. С этого момента для России характерны основные черты имперской государственной репутации: культ имперской силы, стремлении к гегемонии и территориальной экспансии. Все это должно было порождать страх у соседей, отбивать у них охоту к реваншу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Петр I, самодержавие, провозглашение империи, смена идеологием, Византия, Римская империя, Ништадтский мир

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Анисимов Е. В. Петр Великий и его империя. *Кунсткамера*. 2022. 1(15): 6–11. doi 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-6-11

ПЕТР ПЕРВЫЙ И ИМПЕРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ

Evgenii Anisimov

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9093-586X
E-mail: vbrevis @yandex.ru

Peter the Great and his Empire

ABSTRACT. The article deals with the circumstances of the proclamation of Russia as an Empire. The history of the change of ideologemes during the implementation of Peter's reforms is traced. They influenced the internal state of Russia, as well as affected the status of Russia and its foreign policy being an emanation of the regime of autocracy strengthened under Peter. The change of ideologemes concerned the representation of supreme power. Peter renounced the attributes of power of his ancestors — the heirs of Byzantium — as the Byzantine way seemed to Peter to be a dead end. He believed that Byzantium weakened its armed forces, pursued a peaceful policy, and thereby allowed the Turks to enslave themselves. The model for Peter, in contrast to Byzantium, was the Roman Empire during its heyday — the ideological primary source of the major European powers of that time. Peter wanted to legitimize his power in a new political context. He hoped to achieve in Europe, for himself and for Russia, a high state reputation, positively tinged with Roman tones. The power achieved during the war was the most significant argument for recognizing Russia as an Empire. However, with the conclusion of the Treaty of Nystad, which confirmed the real status of Russia, such recognition became possible. Since then, Russia has been characterized by the main features of imperial state reputation: the cult of imperial power, the desire for hegemony and territorial expansion. All this was supposed to generate fear in the neighbors and discourage them from seeking revenge.

KEY WORDS: Peter I, autocracy, proclamation of empire, change of ideology, Byzantium, Roman Empire, Treaty of Nystad

FOR CITATION: Anisimov E. Peter the Great and his Empire. *Kunstkamera*. 2022. 1(15): 6–11. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-6-11

В современной науке прочно утвердилось мнение, что Россия была империей раньше, чем была провозглашена таковой. Оно основано на посыле, что империя начинается с того момента, когда нарушается гомогенность национального государственного образования и оно выдвигает свои границы за пределы расселения основной «империобразующей» нации (Каппелер 2000: 15–57), т. е. с начала завоевания Казани Иваном Грозным. Петр Великий, ничего не знавший о теории гомогенности, смело относил начало своей империи к Владимиру Красное Солнышко, который, как он писал, «...расейскую свою империю разделил 12 сынам своим <...>, а потом царь Иван Васильевич, когда монархию от деда (Ивана Третьего. – *Е. А.*) собранную паки утвердил» (Белавенец 1915: 68–69). Как видим, Петр связывал идею преемственности императорской власти с традиционным процессом «собираения русских земель». Поэтому большинство русских правителей являются «собирателями русских земель». И Петр был в их числе, ибо Северная война, как известно, началась под лозунгом возвращения «отчин и дедин», которые к концу войны округлились за счет земель, никогда России не принадлежавших, хотя надо заметить, что завоевание Дерпта (Юрьева, Тарту) в 1704 г. было представлено так: «...сей славный отечественный град паки получен» (Письма и бумаги 1893: 104–105) с намеком на основание города Ярославом Мудрым.

Но все-таки, обращаясь к отмечаемой ныне дате, скажем, что провозглашение империи было обусловлено не столько традицией «государственного собирательства», сколько внутренними процессами, происходившими в России. Империя Петра возникла вследствие реформ, приведших к существенному изменению системы власти, резкому переходу от прежней монархии с сильным влиянием сословного представительства к государству с могущественным, фактически деспотическим самодержавием, которое опиралось исключительно на бюрократизированную власть, усиленную западными камералистскими технологиями. Империя же стала внешним выражением преобразенной Петром России, эманацией самодержавной власти.

В этих условиях стала естественной и даже необходимой смена внешнеполитических идеологем. Эта смена ярче всего проявляется в репрезентационном ракурсе, в частности в отказе русского самодержца от прежде главного титула «царь», а также от Шапки Мономаха и других атрибутов царской власти Московского государства и в замене их атрибутами империи. Причины отказа от титула «царь» связаны с тем, что на этот титул ко времени Петра «налипло» уж очень много негативных, «азиатских», «варварских» контентов, аллюзий — следов как золотоордынского, так и византийского наследия. Несомненно, Петру не нравилось ощущать себя, подобно предкам, наследником Византии, как и невозможно было сидеть в Шапке Мономаха и бармах в новой европеизированной столице на берегах Невы. Византийский путь он считал тупиковым, ошибочным, недостойным повторения. В дни празднования победы над Швецией Петр подчеркивал, что не следует уподобляться Византии. В своей речи (а ранее в ее тезисах) он призывает подданных, получивших мир, чтобы они «во время того мира роскошми и сладостию покоя себя усыпить бы не допустили, экзерцицию или употребление оружия на воде и на земле из рук выпустить, но оно б всегда в добром порядке содержали и в том не ослабевали, смотря на примеры других государств, которыя через такое нерачительство весьма разорились, между которыми приклад Греческого государства, яко с собою единовѣрных, ради своей осторожности пред очми б имели, которое государство оттого и пред турецкое иго пришло...» (Законодательные акты Петра I 1945: 159).

Правда, ныне трудно определить, из каких источников Петр черпал знания о таком состоянии Византии: за свою тысячелетнюю историю Византия проходила разные этапы развития от процветания к упадку и наоборот. Более того, весь комплекс древнерусской литературы о падении Византии, который мог быть известен Петру, особенно популярный «Хронограф» 1617 г., повествующий о гибели Византийской империи, не содержит положений, на которых настаивает Петр. В «Хронографе» и других сочинениях, согласно принятым канонам, сказано лишь о божественном предопределении гибели города, жители которого провинились, по мнению авторов эсхатологических сочинений, злодеяниями, беззакониями, грешили без меры, а вовсе не отличались миролюбием и пренебрежением к военному делу. Поэтому в петровской интерпретации византийской

истории нельзя не усмотреть переосмысление царем средневековой концепции падения великого града за грехи в современном ему духе рационалистического, картезианского мышления. Он видел в катастрофе Византии вполне конкретные материалистические причины — ослабление обороноспособности страны, вредное для государства миролюбие греков.

Обращение Петра к судьбе Византии неслучайно. В том же ряду неудачников Петр ставит и преемницу Византии — Россию, в которой, как и в Византии, «издревле храбрые люди были, но потом нерадением и слабостью весьма от обучения воинского было отстали» (Законодательные акты Петра I 1945: 159). Изменение господствующей идеологии выразилось в том, что Россия Петра повернулась прямо к идейному первоисточнику всех европейских держав — к Римской империи. Петр, проявлявший очевидное стремление к более высокому статусу, не хотел быть царем в «золотоордынском», «азиатском» варианте и мирным (синоним слабости) византийским «кесарем». Он хотел быть «прямым» римским императором. Тем самым он хотел легитимизации своей власти в новом политическом контексте, надеялся добиться в Европе для себя и для России высокой государственной репутации, положительно окрашенной римскими тонами. Не будем забывать, что в сознании общества XVIII в. понятия «империя», «империус», «Римская империя» имели весьма положительную коннотацию. Взгляд Петра был направлен на могущественный императорский Рим эпохи Августа. Именно он был переосмыслен как идеальный государственный образец. Рим времен республики или Рим упадка для Петра не существовал.

Древнеримскими аллюзиями пестрит вся идеология петровского царствования. Нельзя не усмотреть этого в пышной «римской» символике триумфальных шествий по случаю побед русского оружия, в новых рублях с «римским профилем» Петра, наконец, в символике новой столицы, названной именем святого Петра (Вилинбахов 1984: 46–55).

Идеолог Петровской эпохи архиепископ Феофан Прокопович еще до провозглашения империи, в 1717 г., в унисон желаниям верховной власти (а он был всегда лукавым царедворцем) произнес речь, в которой дважды сравнил Петра с императором Августом. Он упомянул, что римский Сенат поднес ему титул Отца Отечества (Прокопович 1760: 187–188). Не думаю, что Петр забыл про эту речь — четыре года спустя, 22 октября 1721 г., именно Сенат поднес Петру титул императора и Отца Отечества.

К этому времени усилилась инспирированная циркулярами из Петербурга дипломатическая атака российских послов на дворы, при которых они были аккредитованы, с целью признания за Петром титула «императора» вместо общепризнанного титула «царь». Причина понятна: в государственном поведении Петра отчетливо прослеживается стремление обрести для себя и для России новый статус в иерархии европейских государств. Во-первых, именно великие европейские державы являлись в имперском воображении Петра своеобразной референтной группой, имеющей в мире глобальное превосходство, тогда как империя Моголов, Османская империя, Китай казались Петру архаичными, «азиатскими», что в устах Петра было равносильно понятию отсталый, неэффективный, «смеху подобный». Именно поэтому он так упорно добивался признания европейских держав.

Во-вторых, он хотел занять в этой иерархии особое, привилегированное место («первый градус»), стать второй империей после Священной Римской империи германской нации. Претензии Петра на императорский титул воспринимались на Западе как непомерные, они встречали неудовольствие и обеспокоенность даже у союзников России, о чем сообщали русские дипломаты из-за границы (Письма и бумаги 1991: 276, 279). В том же 1717 году в Амстердаме в беседе с британскими дипломатами Петр посетовал на то, что в верительных грамотах его не называют «императором», между тем как еще император Максимилиан употребил этот титул в грамоте к Василию III 1514 г. Эту грамоту не просто извлекли из архивов Посольского приказа, но и опубликовали отдельным изданием (Грамота Максимилиана I к великому князю 1718).

На это англичане ответили, что послания со столь «возвышенными и цветистыми выражениями» посылают обычно только в Турцию, Марокко, Китай и в другие страны, которым «чуждо лоно христианства и обычное ведение корреспонденции», и если он хочет, «чтобы с ним обраща-

лись как с другими европейскими государями», то должен подчиняться европейским нормам («he must conform to European standarts» [Anderson 1978: 77]).

Конечно, это был лукавый ответ, и Петр понимал, что на самом деле основой европейского имперского стандарта является сила, мощь армии и флота, военные победы. Но признание со стороны других держав де-юре было также чрезвычайно важно для Петра — он однозначно относил Россию к европейской ойкумене и не хотел, чтобы у нее был статус отщепенца. Только полное признание Швецией — несомненной имперской государственной структурой — своего поражения и отказ ее от аннексированных Россией территорий открывали путь к легализации императорского титула русского государя. Как известно, путь к миру на таких условиях был весьма долгим, и когда осенью 1721 г. Ништадтский мир был все-таки заключен на условиях России, он принес не только новые территории, но и изменение статуса¹. Петр сразу его закрепил. Напомним, что Ништадтский мир был подписан 30 августа 1721 г., а империя провозглашена меньше чем через два месяца — 22 октября 1721 г. — связь этих событий очевидна. Ништадтский договор стал своеобразным «паспортом», свидетельством приобретения Россией статуса имперской державы. Признание этого статуса де-юре вскоре последовало со стороны некоторых европейских держав, исходивших из собственных прагматических соображений. Так, Пруссия, первой признавшая Петра императором в 1721 г., рассчитывала на сотрудничество с Россией в деле будущего раздела Речи Посполитой. Голландия (1722 г.) думала о своих коммерческих интересах в России. Ослабленная войной Швеция (1723 г.) надеялась на сотрудничество с сильной Россией и вскоре даже заключила с ней союз, что не понравилось ее извечному сопернику, Дании, которая для равновесия возможностей и сил была вынуждена признать Россию империей в 1732 г. Другие державы, которым усиление России не нравилось (Турция, Англия, Австрия, Франция), постепенно смирились с этим фактом и в 1740-е годы одна за другой признали Россию империей.

Важно отметить, что внутренняя политика империи порой существенно отличалась от внешних функций и имперской практики. В ней явно отсутствовал «чистый» имперский тип властвования и проявлялся некий синтез, сочетание самых разных видов колониальных практик от римских ассимиляций «до ограниченного, но все же суверенитета» (Мифы и заблуждения 2010: 347, 363–364). В Российской империи, напротив, вышли наружу или усилились основные черты имперской государственной репутации, свойственной и другим великим державам того времени. Речь идет о культе имперской силы, стремлении к гегемонии и территориальной экспансии. Все это должно было порождать страх у соседей, отбивать у них охоту к реваншу.

Вице-канцлер Петр Шафиров писал в «Рассуждении о причинах Свейской войны» (1717 г.): «И могу сказать, что никого так не боятся, как нас». Полемизируя с воображаемыми собеседниками, которые якобы убеждали Россию вернуть шведам захваченные в ходе войны территории, вице-канцлер жестко отвечает: «...исполняя все то, чего оные опасались и так глубоко им досада, паки себя обнажим, то, подумай, оставят ли они нас в покое <...>. Воистину, никак, не будут (ли) искать того, чтоб так нас разорить, чтоб век впредь (мы) не в состоянии были какие знатные дела чинить. И не только чтоб им нас бояться, но всегда б так над нами быть» (Шафиров 1987: 548–549).

Именно «страх», «великий страх», воплощенный в сокрушающей противника военной мощи России, в ее непрерывных победах, и составляет суть имперских представлений Петра. Этот «страх» должен непременно и постоянно возрождаться у соседей при виде новых завоеваний России. Только так, по мысли Петра, она сможет избежать печальной судьбы Византии. В этом он видел причину международного авторитета России. Неслучайно в одной из своих проповедей Феофан говорит о волшебном эффекте достигнутого петровской Россией состояния: «...которые нас гнушались яко грубых, ищут усердно братства нашего, которые бесчестили — славят, которые грозили, боятся и трепещут, которые презирали — служить нам не стыдятся, многии в Европе

¹ Важно отметить, что мир принес также признание легальности Петербурга — города, построенного формально на территории другого государства. Более того, Петербург был провозглашен столицей за девять лет до признания земли, на которой он стоял, российской территорией.

коронованныи главы, не точию в союз с Петром <...> идут доброхотно, но и десная его Величеству давати не имеют за бесчестие, отменили мнение, отменили прежния свои о нас повести, затерли историйки своя древняя, инако и глаголати и писати начали; поднесла главу Россия светлая, красная, сильная, другом любимая, врагом страшная» (Прокопович 1760: 93, 115).

В сущности, Феофан рисует новую реальность: созданную волею и трудами Петра новую Россию, распрощавшуюся с устаревшим прошлым, со слабым «царством Московским». Теперь ее история пишется заново, в некоей особой Бархатной книге империй «первого градуса». В итоге Петр, титаническим усилием поставив Россию на имперские рельсы, смело двинулся в Персию на новые завоевания, мечтая основать в устье Куры новый Петербург, с надеждой проложить путь в сказочную Индию — великую цель всех империй. Он умер, не успев воплотить свои имперские мечты, но во всем положился на своих преемников. А те в чем-чем, а уж в строительстве империи государя-основателя не подвели...

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Белавенец П. И. Изменение Российского государственного герба в имперский период. Пг.: тип. П. П. Сойкина, 1915.
- Вилинбахов Г. В. Основание Петербурга и имперская эмблематика // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 664. Семиотика города и городская культура. Петербург. Тарту, 1984. С. 46–55. (Труды по знаковым системам. XVIII).
- Грамота Максимилиана I к великому князю Василию III 1514 г. СПб.: Б. и., 1718.
- Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях / сост. Н. А. Воскресенский; под ред. Б. И. Сыромятникова. М.; Л.: АН СССР, 1945. Т. 1.
- Канпелер А. Россия — многонациональная империя. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / под ред. И. Герасимова. М.: Новое издательство, 2010.
- Письма и бумаги Петра Великого. СПб.: Государственная типография, 1893. Т. 3.
- Письма и бумаги Петра Великого. М.: Наука, 1991. Т. 13. Вып. 1.
- Прокопович Феофан. Слова и речи. СПб.: Сухопутный шляхетный кадетский корпус, 1760. Ч. 1.
- Шафиров П. П. Рассуждение о причинах Свейской войны // «Россию поднял на дыбы»: сборник материалов. М.: Молодая гвардия, 1987. Т. 1. С. 461–549.
- Anderson M. S. Peter the Great. London: Thames and Hudson, 1978.

REFERENCES

- Anderson M. S. *Peter the Great*. London: Thames and Hudson, 1978.
- Kappeler A. *Russia — mnogonatsional'naia imperia* [Russia is Multinational Empire]. Moscow: Progress-Traditsia, 2000. (In Russian)
- Mify i zabluzhdenia v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and Misconceptions in the Study of Empire and Nationalism]. Ed. by Ilya Gerasimov. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2010. (In Russian)
- Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* [Letters and Papers of Peter the Great]. Vol. 13. Issue 1. Moscow: Nauka, 1992. (In Russian)
- Shafirov P. P. *Rassuzhdenie o prichinakh Sveiskoi voiny* [Reasoning about the Causes of the Swedish War]. «*Rossiiu podniat na dyby*»: *sbornik materialov* [“He had Russia Reared up”: Collection of Materials]. Vol. 1. Moscow: Molodaia gvardiia, 1987, pp. 461–549. (In Russian)
- Vilinbakhov G. V. *Osnovanie Peterburga i imperskaia emblematika* [The Foundation of St. Petersburg and Imperial Emblematics]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Semiotika goroda i gorodskaiia kul'tura. Trudy po znakovym sistemam* [Scientific Notes of the Tartu State University. Semiotics of the City and Urban Culture. Works on Sign Systems]. Issue 664. XVIII. Tartu, 1984, pp. 46–55. (In Russian)

Submitted: 27.12.2021
Accepted: 07.02.2021
Published: 10.04.2022